

«ШЕЛК В ЛЕСУ»

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Когда Ихён подошел к нужному дому, вокруг стояла оглушительная тишина. Даже неумолкаемый стрекот кузнечиков словно остался далеко позади, настолько было тихо. По пути парень свернул не на ту тропинку и обошел по кругу всю деревню. Он хотел спросить у кого-нибудь дорогу, но никого не встретил. Мимо даже собаки не бегали, а со дворов не слышалось лая. За заборами некоторых домов собаки все же были, но все они либо безмятежно спали, либо дружелюбно виляли хвостом, вместо того чтобы лаять на незнакомца. Можно было, конечно, обвинить во всем удушающую жару, которую с каждой минутой становилось все сложнее переносить, но все же это было очень странно. Казалось, кроны густого леса и огородных насаждений полностью поглотили людей и дома. Пышная зелень настолько поражала воображение, что у Ихёна захватило дух.

Назначенное время уже давно прошло. К тому моменту, как парень заметил под деревом около забора старика, который выглядел так, будто ссоря с этим

стволом, солнце уже ушло далеко на запад. Увидев незнакомца, Ихён от неожиданности попятился. Тот сидел так неподвижно, что казался каменным изваянием. Только встретившись взглядом с Ихёном, старик моргнул, и в его глазах словно заново затеплилась жизнь. Ихён спросил у дедушки дорогу. Старик медленно, с трудом поднял руку. Его палец указывал куда-то в сторону от деревни, за выступ горы. Никакого дома там видно не было. Ихён перепрыгнул через небольшой ручей, обошел небольшой холм и обнаружил узкую тропку. Судя по всему, в ее конце и находился нужный ему дом. Где-то же он должен быть. Остается только поверить в его существование и идти дальше. А что, если бы здесь оказалась Онджо? Да еще и совсем одна? Что бы Ихён ни думал о ней, это было бы уже слишком. А ведь ей бы пришлось еще бродить по какой-то непонятной местности и спрашивать дорогу у незнакомца старика. Ну уж нет. Ни за что.

А если бы это Хеджи или Нанджу собирались сюда, остановил бы он их? Ихён частенько замечал за собой, что непроизвольно чересчур остро реагирует на слова и поступки Онджо. Он прекрасно знал, что девушка не испытывает к нему ответных чувств, но ничего не мог с собой поделать. Первая любовь, похоже, обладала какой-то магической силой и навсегда запечатлелась в его сердце. Как бы Ихён ни старался избавиться от этих чувств, их след не стирался. Тот период, когда он еще пытался понять, что на сердце у Онджо, дался ему очень тяжело. Но несмотря на это, его чувства к ней становились только глубже.

Когда Ихён разговаривал с Онджо или даже просто думал о ней, пульс учащался, а сердце начинало ныть. Все тело напрягалось до предела, а иногда даже мышцы ломило, как при высокой температуре.

Онджо было бы нелегко уговорить уступить ему это дело, даже несмотря на то, что место назначения находилось далеко за городом, — помогла просьба клиента, чтобы миссию по возможности выполнил парень. По словам Онджо, это было последнее задание, которое она получила перед изменением политики «Магазинчика времени». Она могла бы отказаться, но ей очень захотелось помочь клиенту, потому что ее бабушка тоже всю жизнь работала швейей. По счастливой случайности именно в этот день у Онджо была назначена другая встреча, поэтому миссия досталась Ихёну. Она сказала, что сегодня ей непременно нужно встретиться с одним человеком. Не то чтобы Ихён не догадывался, о ком идет речь, но, услышав об этом от Нанджу, он вдруг почувствовал в сердце огромную пустоту. Значит, она встретится с ним лично... Это ощущалось совсем иначе по сравнению с тем, когда этот парень существовал только на словах. Руки и ноги ослабели, и Ихёну казалось, что он вот-вот рухнет на землю. Он практически кожей ощущал, как увеличивается дистанция между ним и Онджо из-за вмешательства незнакомца. Как будто ледяной ветер острыми иглами впиался прямо в его сердце. Ихёна настигла апатия, пропал интерес ко всему. Если бы не сегодняшняя миссия, он бы просто валялся весь день на кровати, безразлично глядя в потолок. Проснувшись рано

утром, он не мог заставить себя встать и долго лежал, чувствуя приливы необъяснимой злобы. Почему Онджо постоянно притворяется, что не замечает его чувств, а сама готова бежать к Канто хоть босиком? Ихён даже на мгновение возненавидел ее. С другой стороны, ситуация с Нанджу... Ихён задумался о том, что она чувствует к нему то же самое, но тут же решил, что это другое.

Людам вообще свойственно заблуждаться в том, что только их чувства являются особенными и не такими, как у других.

Желтый лисохвост, купающийся в закатных лучах солнца, мягко покачивался на ветру. Время от времени на глаза попадалась космея, цветущая по краю тропинки. Кажется, она расцвела раньше положенного, но никакой жары не дано остановить смену времен года. По спине Ихёна без конца стекали крупные капли пота.

Вытянув шею, парень заглянул за выступ горы, уходящей в лес. Там виднелся кусочек крыши шоколадного цвета. Радости Ихёна не было предела. От одного вида черепицы страх отступил. Пройдя немного дальше, он увидел, что лесная тропинка превращается в дорожку, посыпанную желтым песком. По бокам от нее буйно цвели красивые цветы. Яркие лилии были похожи на оранжевые бумажные фонарики, освещающие путь. Чуть дальше простиралось целое море лиловых астр, а за ними, словно дворцовый караул, возвышались высокие подсолнухи. Кажется, они заменяли собой ворота. Вот это да, забор из подсолнухов! Рядом с ними стояла покосившаяся

деревянная табличка, которая гласила: «Шелк в лесу». Шелк_в_лесу. Именно таким был никнейм Ран, их клиентки. Только теперь Ихён смог выдохнуть с облегчением: он пришел по адресу.

— Извините, есть кто дома? — с трудом выдавил Ихён.

Ответа не было. Только его голос на мгновение нарушил тишину, которая тут же снова заполнила собой все вокруг. Палящие солнечные лучи проникали между деревьями, мягко опускаясь на безлюдный дворик. Ярко-розовый куст лагерстремии выглядел знакомо. Точно такой же рос прямо около школьного фонтана. Руки-ножницы поставил перед ним табличку с названием, поэтому Ихён запомнил его.

Куст лагерстремии казался таким ярким, словно на него было направлено специальное освещение. В середине двора виднелся небольшой пруд. Посреди него красовался небольшой искусственный островок в окружении водорослей, но сам пруд почти высох. Водоросли даже не покачивались от дуновений ветерка. На засохшем прямом стебле неподвижно, как скульптура, восседала красная стрекоза. Весь двор был щедро засажен разнообразными цветами и деревьями. Было видно, что кто-то вложил душу, когда высаживал их, но ухаживать с тем же усердием не стал. Казалось, что сад заброшен, но в нем все еще виднелись следы старых, утраченных воспоминаний, погребенных под пыльными слоями времени.

Добраться сюда было непросто. Как только автобус покинул пределы шумного города и покатился по пустынной дороге, пассажиры в нем стали

убывать. Старики, согнувшиеся под гнетом возраста, как под тяжелыми тюками, с трудом спускались по ступенькам и исчезали один за другим. Ихён ехал до конечной остановки. Клиент написал, что путь надо держать в то место, дальше которого уже не едут автобусы, к пустынной дороге посреди поля, к самому концу лесной тропинки.

Чем дальше Ихён заходил во двор, тем шире он становился. Пространство было разграничено каменными бордюрами, но листья растений торчали в разные стороны, как непослушная шапка волос, скрывая их под собой. Дальше сад уходил прямо в лес, там виднелся довольно широкий ручей. По краю двора густо росли высокие деревья, словно нарочно прикрывая его от чужих взглядов. Из-за непрекращающейся жары ручей тоже пересох, и только на дне оставались следы воды.

С другого конца участка навстречу Ихёну ковыляла белая дворняга. В ее глазах не было совершенно никакой настороженности из-за незнакомого человека. Она выглядела очень ласковой. Ихён чуть не подпрыгнул от радости, увидев собаку. Сейчас он был страшно рад увидеть любое живое существо. Следом показалась еще одна дворняга, на этот раз с желтоватой шерстью. Ее вид тоже был далек от свирепого. Они даже не залаяли. Хотя если так подумать, то в этой деревне еще ни одна собака на него не лаяла. Они только моргали и смотрели из-за заборов, провожая незнакомца взглядами. Вскоре появилась еще одна дворняга — маленькая, с пятнистой окраской. Шустро виляя хвостом, она семеняла следом

за первыми двумя. Ихён только присел на корточки, чтобы погладить пятнистую собачку, как обнаружил двух кошек, привольно растянувшихся на бордюре, отделяющем двор от ручья. Поглаживая песика по голове, парень осматривался по сторонам: казалось, теперь животные будут появляться откуда-то бесконечно. Тем временем обе кошки мягко спрыгнули с бордюра и, склонив головы, наблюдали за Ихёном. Все животные выглядели ласковыми и спокойными. Они потихоньку приближались к нему, словно говоря всем своим видом: «Проходи, мы тебя ждали». Вся эта картина перед глазами, включая удивительно ласковых животных, выглядела такой нереальной, что в нее сложно было поверить. Казалось, в этой деревне, в этом лесу прячется что-то неподвластное воображению.

Вскоре ушей Ихёна достиг какой-то равномерный механический звук. Заметив впереди стеклянную раздвижную дверь, парень подошел поближе. Звук стал громче. Ихён с силой отодвинул дверь в сторону. Механический звук стал еще явственнее. Это работала швейная машинка и шумел вентилятор. Ихён просунул голову и произнес:

— Кхм... здравствуйте?

Солнце с западной стороны заливало всю комнату мягким светом. На входе висели ряды ярких цветочных тканей, которые закрывали собой комнату, как шторы. Звук швейной машинки затих.

— О, здравствуйте, приходите.

Сквозь полотна ткани высунулась женщина с платком на голове. Ихёну было видно только ее лицо,

будто они играли в прятки на красочном цветочном поле.

— Ты припозднился, сложно было добраться?

Выражение лица женщины было приветливым, похоже, она не собиралась выговаривать ему за опоздание.

— А, да, я долго искал дорогу...

— Я так и думала. Все, кто к нам приезжает, сначала блуждают вокруг.

Внутри оказалось очень уютно и прохладно. Один угол комнаты был полностью завален материалами для шитья. На столике рядом со швейной машинкой лежала целая гора отрезов ткани разной формы.

— Ох, только посмотри, как ты вспотел! Настродался, наверное, пока нас искал. Вот, садись сюда. Остынь немного. Такое чувство, будто погода решила меняться в обратную сторону. Только стало немного прохладнее, а осень наступила — и опять жара.

Волосы женщины, выглядывающие из-под платка, были покрыты белой пылью. Она развернула вентилятор в сторону Ихёна и предложила ему деревянную табуретку. На полу в комнате почти не было места из-за разбросанных повсюду тканей и материалов для шитья.

— Все благодаря нашей Ран. Спасибо, что приехал в такую даль.

Женщина слегка наклонила голову и, улыбнувшись, добавила:

— Действительно, Ран была права. Ты выглядишь знакомо.

— Что? Но я никогда раньше вас не видел.

Женщина внимательно всмотрелась в лицо Ихёна. Парень почувствовал, что краснеет. Щеки запылали, и жар дошел до самого затылка.

— Ой, да у тебя даже кончики ушей краснеют точно так же! Ха-ха-ха, ну конечно, ты впервые меня видишь. Ох, какая я бестактная... Прошу прощения.

Ихён уселся на табуретку и обвел комнату глазами. Широкие окна выходили в сторону двора, и через них виднелась тропинка, ведущая в густой зеленый лес. На столе под окнами тоже была навалена целая груда принадлежностей для шитья.

Ран — дочь этой женщины. Она попросила ребят из «Магазинчика времени» навестить родительский дом, потому что сама живет за границей. В письме совершенно точно упоминалось еще и о больном отце, но его нигде не было видно. Интересно, насколько сильно он болен? Девушка даже прикрепила к письму снимок с родителями вместе с отчаянной мольбой не отказывать ей. По этой единственной фотографии можно было очень многое понять о моменте, в который она была сделана. В ней ощущались тепло и забота. Все широко улыбались на фоне пышно цветущих георгинов. Ран стояла рядом с отцом, который сидел в инвалидном кресле, укутанный пледом. Она писала, что ей нужен кто-то, кто побудет рядом с ним вместо нее.

Ран обратилась с просьбой и перевела деньги как раз перед тем, как «Магазинчик времени» перешел на безвозмездную основу. Онджо ответила ей, что не может выполнить поручение, и попросила прислать номер счета для возврата. Однако девушка

продолжала просить и умолять. Она сказала, что может, конечно, обратиться в другое место, но ей очень понравились принципы работы «Магазинчика» и, что еще более важно, она хочет, чтобы родителей навещил именно ее ровесник. Еще Ран добавила, что мечтает помочь отцу вспомнить самые радостные моменты его прошлого.

Шелк в лесу: С наступлением лета мама всегда страшно занята. Она шьет летнюю одежду из вискозы. Вискоза — это один из видов шелка. Только настоящий шелк получают из коконов тутового шелкопряда, а вискоза — продукт человеческого труда. Эта ткань дарит ощущение пролады и не прилипает к телу даже в жару, а еще отлично пропускает воздух. Именно поэтому ее и используют для пошива летней одежды. Именно поэтому каждый раз, когда начинается сезон, мама становится одним целым со своей швейной машинкой. Я с детства наблюдала эту картину и привыкла к ней.

У мамы всегда были золотые руки, но поначалу она просто шила летние жилетки и штаны для стариков из округи. Швейная машинка дома была, и с приходом теплых месяцев мама шила для соседней одежду, так как они жаловались, что сложно найти вискозу в магазинах. Тогда мы еще не знали, что это станет делом ее жизни.

Папа построил этот дом, потому что всегда любил цветы и деревья и мечтал жить в доме, окруженном садом. Он представлял, как я бегаю и играю во дворе, но вышло так, что я прожила в том доме всего несколько лет. Я до сих пор очень по нему скучаю. Однажды папа упал в обморок прямо посреди двора. Мы так

и не узнали причины, но паралич быстро прогрессировал. Вскоре папа уже не мог даже поднять стакан воды. Все заботы легли на мамины плечи, и она начала активно заниматься шитьем. Ей приходилось одновременно ухаживать за папой и работать, и это было невыносимо тяжело. Узнав об этом, моя тетя, которая живет в Америке, предложила взять меня к себе. С тех пор прошло уже шесть лет.

Услышав о нашей ситуации, соседи, для которых мама раньше шила одежду, начали собирать для нее заказы, и слухи о ее таланте разлетелись по всей округе. Заказов стало так много, что мама даже не успевала их отдавать. Она сказала клиентам, что больше не может принимать заказы, и они попросили перенести их на следующий год. Так что, скорее всего, она и сейчас проводит все лето за швейной машинкой.

С наступлением осени перед нашим домом всегда откуда ни возьмись появлялись горы всякой снеди, да такие, что была заставлена вся тропинка, ведущая к деревне. Мы не видели, кто оставлял ее, но мама откуда-то знала, чьих рук это дело. Потому что, отправляя меня с поручениями, она всегда знала, какую корзину в какой дом нужно вернуть, и обязательно клала в нее ответный подарок — одежду. Дело в том, что мама не берет денег за свою работу. Вы можете подумать, что это все выдумка, но в мире действительно все еще существуют места, где люди живут как в сказках. И я сильно скучаю по этому месту. Я очень хочу поехать домой, но так вышло, что в этом году у меня не получится. Я не говорила об этом маме с папой, но не так давно у меня были проблемы со здоровьем,

так что я не могла подрабатывать, чтобы накопить деньги на билет. Летом у мамы совсем нет времени, чтобы ухаживать за папой. Она не может читать ему книги или развлекать разговорами. Сиделка, которая должна была присматривать за ним летом вместо меня, внезапно отказалась, и я в спешке нашла «Магазинчик времени». Прошу вашей помощи на то время, пока моя мама слишком занята работой.

— Мой муж с самого утра в прекрасном настроении, как услышал, что сегодня придет друг Ран. Уж и искупать его заставил, и освежитель воздуха в комнате разбрызгать. Все твердит, скорее бы ты пришел, он о многом хочет тебя расспросить. Муж все время только лежит, поэтому ему все очень любопытно. Хотя обычно он не любит незнакомых людей.

Ихён волновался, потому что не мог точно понять, в каком состоянии находится отец Ран. В письме она просила почитать ему книгу, но если придется вести беседу, то о чем? Голос парня слегка дрожал от волнения, но он как можно спокойнее ответил:

— А, да, меня просили почитать ему книгу.

— Можешь просто поговорить с ним. Он очень любит болтать, так что все будет в порядке. Я его недавно искупала... но он всегда в лежачем положении, так что может немного попахивать, ты уж пойми.

Ихёну стало страшно. За цветочными тканями, заменявшими шторы, оказалась стеклянная дверь. В темную комнату лишь слегка проникал свет. У кровати высились стопки книг, а всю стену в изножье занимал огромный книжный шкаф. Он тоже был

полностью набит книгами, стоящими в два, а то и в три ряда. Книг в этом доме было не меньше, чем растений и цветов в саду перед ним.

— Он все время только лежит, и свет слепит ему глаза. Поэтому тут темновато, — сказала женщина, поправляя одеяло.

— Включи свет, — прорезал темноту мужской голос. Похоже, он давно не разговаривал, поэтому прозвучал хрипло. Мужчина повернул голову и посмотрел на Ихёна. Его глаза сверкнули. Они были похожи на озера с синей водой. Прозрачные, светлые, но вместе с тем такие глубокие, что не видно дна.

Мама Ран включила свет и раздвинула задернутые шторы. В окне виднелось синее-синее небо, по которому плыли белые облака. Ихён как будто оказался посреди бескрайнего моря. Этот мужчина, возможно, представляет волны, когда лежит здесь целыми днями и смотрит в окно. Лежит и представляет море, такое же синее, как небо.

— Сегодня отличная погода.

Женщина с опаской посмотрела на лицо мужа, не убирая руки со штор. Похоже, она собиралась задвинуть их снова, если окажется, что ему не нравится свет. Проигнорировав ее тревогу, мужчина обратился к Ихёну:

— Добро пожаловать.

Его голос прозвучал так тихо, словно доносился откуда-то издалека. Кажется, он и правда очень давно не разговаривал, потому что несколько раз с трудом прочистил горло.

— Здравствуйте.

— Спасибо, что приехал в такую даль.

Мама Ран принесла стул к столу, который находился ровно на уровне кровати, и пригласила Ихёна сесть. Она поставила перед парнем стакан сока, а на подставку у головы мужа специальную кружку с трубочкой.

— Видел наших собачек? — спросил мужчина, как только за его женой закрылась дверь.

— Что? А, да, я встретил их во дворе.

— Большие стали? Пятнистая — новенькая, мы ее взяли только этой весной.

Голос мужчины звучал взволнованно и грустно. Почему они не пускают собак в дом? Ихён подумал, что это могло бы очень порадовать лежачего больного. Из соседней комнаты послышался сначала прерывистый, а потом равномерный монотонный звук швейной машинки. Парень вспомнил о горах ткани, наваленных по всему дому.

— Если впустить этих бесенят, они будут мешать жене работать. Нельзя ведь, чтобы собачья шерсть налипла на ткань, да и запах опять же. А уж если порвут готовую одежду зубами, то совсем беда. Так что приходится мне терпеть, эх, — грустно продолжил мужчина, словно погрузившись в воспоминания. Его взгляд при этом был устремлен куда-то вдаль.

Вот оно что. Похоже, этот человек читал мысли Ихёна. Как будто видел его насквозь. Казалось, эти глаза, похожие на глубокие синие озера, могут прочитать любого человека как открытую книгу.

— А подсолнухи видел?

— Да. Они как настоящий забор. Или как фонари, светящие посреди дня.

— Ого, правда? Значит, получилось, как я и задумал. Ты знаешь, подсолнухи ночью низко склоняют головы, а с рассветом понемногу начинают тянуться навстречу солнцу, а потом еще и поворачиваются с востока на запад. Хах! Поспособнее меня будут.

— Ничего себе. Как удивительно!

— Им, наверное, побольше моего известно о том, что происходит в этой деревне. Наш дом стоит на отшибе, так что для подсолнухов с их высоты вся деревня должна быть как на ладони.

Ихён вспомнил, как шел сюда — к тупику на самом краю деревни.

— В следующей жизни я бы хотел быть деревом.

— О... деревом?

В следующей жизни? Она вообще хоть существует? А ведь дерево тоже не может двигаться... Однажды выросши на одном месте, оно должно оставаться на нем пятьсот, а то и тысячу лет...

— Оно хоть и не может двигаться, зато постоянно растет. А еще выглядит совершенно по-разному в зависимости от времени года. А ты кем хочешь стать?

Ихён задумался. Кем он хочет стать в следующей жизни? Ничего не приходило на ум.

— Если выбирать среди деревьев и всего такого? Не знаю, я никогда не думал об этом, — ответил он, почесывая затылок.

— Хах, да нет, я имею в виду, кем ты хочешь стать в будущем?

— А. Пока не знаю. Я еще не решил.

— Не знать — это нормально. Тем более все постоянно меняется. Главное — нужно заглядывать внутрь самого себя. Нельзя, чтобы разум заостенел. Я это понял уже слишком поздно. К тому времени я уже был болен, хоть и не знал этого...

Чтобы разум не заостенел... Ихён впервые слышал от взрослого, что можно не торопиться что-то решать. До сих пор ему много раз приходилось выбирать — например, между техническими и гуманитарными науками. От бесконечной необходимости выбора у Ихёна постоянно было такое ощущение, как при несварении желудка, — будто не знаешь, что перед тобой, но второпях проглатываешь, потому что сзади кто-то подгоняет. Времени на раздумья не было, и уж точно никто не предлагал ему заглянуть в себя. Взрослые говорили только пугающие вещи. Ихёну казалось, будто он заточен в мертвой зоне, в которой со всех сторон слышны одни лишь угрозы: начнешь учиться хоть немного хуже — не видать тебе успеха в жизни, будешь думать о чем-то другом, кроме учебы, — тебе крышка. Эти слова отражались от стен и эхом рождали новые, а сила их убеждения крепла день ото дня. Ихён не хотел подчиняться этим угрозам, но и противостоять им не мог. Оставалось только держаться под их натиском и стараться глубоко дышать. Как кукла с заводной пружиной бесконечно повторяет одни и те же действия и бьется об одни и те же углы. Ихён всегда был недоволен, всегда в плохом настроении. Без внятной причины, никем не понятый. Но услышав, что желание жить независимо — это врожденный человеческий

инстинкт, он наконец осознал причину своего уныния. Осознал, к чему так отчаянно стремился, почему постоянно кипел от досады. Это было оно. Ихён понял, что раздражался и злился каждый раз, когда кто-то попирает его независимость, когда ему не верили и пытались решить за него. Возможно, именно поэтому он и стал так активно участвовать в деятельности «Магазинчика времени» — потому что хотел жить по своему усмотрению. Здесь можно было придумывать свои идеи и воплощать их в жизнь. Для Ихёна «Магазинчик времени» был единственным местом, где он получил возможность показать свое истинное «я». Местом, где никто не указывал ему, что делать, и можно было действовать самостоятельно. Местом, где он чувствовал себя самим собой. Именно этим «Магазинчик времени» и привлекал Ихёна. А может, создавая «Магазинчик», Онджо тоже хотела обрести эту уникальность? Ту самую, которая называется свободой.

— Я пролежал здесь так долго, но о том, что хотел бы стать деревом, стал задумываться только в последнее время.

В воздухе витал запах лекарств и чего-то кислого. Мужчина хмурился, глядя в окно. Похоже, его слепили солнечные лучи.

— Пока мое тело совсем не перестало двигаться, я вел себя отвратительно. Есть вещи, которые ты понимаешь, только потеряв все. Я хотел покончить со всем, прежде чем меня парализует совсем. Но не смог из-за жены. Однажды я настолько устал от всего, что даже хотел положить подушку на ее лицо,

пока она спала. Потому что только так я тоже мог уйти. Иначе она бы меня не отпустила.

Просто почитать вслух книгу было бы намного проще. Ихён не понимал, откуда начался этот разговор и куда он ведет. Не знал, как отреагировать. Достойного ответа на ум не приходило, но и молчать становилось неудобно. Даже просто сидеть на стуле было нестерпимо трудно. Как будто на плечи взвалили тяжелый груз и держать спину прямо стало больно.

— Скоро я не смогу даже говорить. Я это знаю, ощущаю понемногу. Слишком долго я продержался. А думал, что быстро отправлюсь на тот свет.

Ихён не мог даже представить, что чувствует мужчина. Ему и в голову не приходило, что он когда-нибудь может оказаться полностью обездвиженным.

— Знаешь, как активно начинает работать мозг, когда в теле не остается силы? Его не удержать. Мыслей становится так много, что временами хочется голову себе оторвать. Эта жизнь — мое наказание. В молодости я так бешено работал, что даже не понял, в какой момент стресс настолько добил мой организм, что он капитулировал. Тогда я решил сбежать от всего и построить дом здесь. Это время было для меня самым прекрасным и счастливым. И снова я все потерял. То, что моя Ран живет так далеко и мы не можем увидеться, тоже моя вина. А теперь уже поздно.

Солнце закатилось за крышу и перестало слепить глаза. Взгляд мужчины неподвижно замер на кусочке синего неба за окном. Белые облака плыли вдаль, на защитную оконную сетку временами садились красные стрекозы, а потом незаметно пропадали.

Казалось, ничто во внешнем мире не останавливается ни на миг, даже порывы ветра. Все находилось в движении. Облака мчались куда-то на бешеной скорости. Подгоняемые ветром, одни облака внезапно растворялись, оставляя место для своих собратьев другой, причудливой формы. Казалось, в этом процессе можно видеть движение самой Земли.

— Раньше я всему завидовал. И ветру, гуляющему за окном, и стрекозам, которые появляются, как только придет пора, нашим собачкам, да даже подсолнухам. Мухам, которые садились мне на лицо, и муравьям. Всему завидовал.

Высота кровати как раз позволяла мужчине видеть в окно макушки подсолнухов. Стройные длинные стебли с яркими цветами изо всех сил тянулись к солнцу.

— Но сейчас уже нет.

В уголках его глаз собралась влага. Слезы? Мужчина замолчал, не в силах говорить дальше. Его губы дрожали.

— Хотите воды? — спросил Ихён, глядя на стакан с трубочкой для питья.

Просто сидеть рядом с женщиной было очень тяжело. Ихён чувствовал себя беспомощным, как будто все силы вдруг покинули его. Пузырьки в стакане поднимались вверх, словно к нему еще никто не прилагивался. Ихён поднес трубочку к губам женщины.

Звук глотка гулко разнесся по комнате, будто они находились внутри пещеры. Казалось, даже ради этого мужчине пришлось сделать невероятное усилие. В тишине слышался только размеренный звук работы швейной машинки.

— У меня к тебе есть просьба.

Какая? Ихён заволновался.

— Ты же видел наш двор?

— Да, там много цветов и деревьев. А еще две кошки и три собачки.

Странно, но Ихёну казалось, что он непременно должен говорить побольше. Чтобы повернуть ход мыслей мужчины в другую сторону.

— Сейчас позднее лето, так что лагерстремия, должно быть, в самом цвету. В эту пору наш двор красивее всего. А ручей, наверное, совсем не видно за густой листвой.

По мнению Ихёна, двор был скорее похож на набросок, в котором художник переборщил с разными цветами. Руки-ножницы бы тут быстро привел все в порядок. Только увидев этот двор, он бы сразу взялся за дело, не теряя ни минуты. Если бы только охранник увидел тянущиеся вверх и пронзающие небо кипарисы и можжевельник или темно-зеленое, с крапинками черного тисовое дерево, он бы тут же предложил подрезать кроны и придать растениям опрятный вид. Ихён подумал, что, если все сложится хорошо, обязательно нужно будет привезти сюда Руки-ножницы.

— Сейчас самая яркая пора. Я люблю лето. Мне нравится, какой могучей жизненной силой обладают растения. И сейчас они в самом цвету.

В глазах мужчины зеленые листья, полные жизненной силы, трепетали под порывами ветра. Он широко улыбался, словно глядя ввысь, сидя под раскидистым деревом.

Лицо мужчины внезапно просветлело. До этого он выглядел утомленным, потому что изо всех сил задействовал лицевые мышцы, но теперь казался почти счастливым. Лицевые мышцы — единственные, которые еще подчинялись ему. Только в них еще функционировали нервы.

Ихён попробовал представить, как этот мужчина трудится во дворе. Вокруг него весело прыгают кошки и собаки, на поля соломенной шляпы то и дело приземляется красная стрекоза, на шее висит полотенце, чтобы время от времени вытирать пот. Маленький пруд посреди двора заполнен прохладной водой, но бурный поток из лесного ручья бесконечно течет в него, заменяя застоявшуюся воду свежей. Сцена, представившаяся Ихёну, была настоящим праздником жизни.

— Сейчас во дворе, наверное, полный беспорядок.

Из глаз мужчины вдруг пропали и деревья, и двор, и ветер.

— Ты думаешь, я живой? — спросил он без тени улыбки. Его взгляд смотрел в пустоту.

— Что? — от неожиданности переспросил Ихён.

— Скажи честно. Я выгляжу живым?

— Да, конечно.

Сердце бешено забилося. Внезапно Ихёну стало страшно.

— Забудь. Я просто жив. Но я не живу.

Но в чем разница между тем, чтобы быть живым и жить?

Ихён совершенно не понимал, к чему клонит мужчина. Что он хочет у него попросить?

Стрекот швейной машинки надолго замолчал, а потом начался снова. Интересно, что происходит во время этих пауз — она делает закройки или разрезает ткань ножницами? Или подбирает новые нитки под цвет ткани и вставляет их взамен старых? А может, заправляет старую швейную машинку маслом?

— Этот звук швейной машинки будто скребет мою голову изнутри. Мне так стыдно перед этой прекрасной женщиной, которая страдает из-за меня.

Машинка, казалось, застрекотала еще громче. Настойчивый звук не прерывался ни на мгновение, подчиняясь размеренным движениям рук женщины.

— Я сам должен покончить с этим. Она ни за что не сделает этого.

С чем покончить? Чего она не сделает? Швейная машинка работала в четком ритме, с размером такта четыре четверти. Неужели однажды, когда этот звук прервется, в жизни ее хозяйки наступят необратимые перемены?

Ихёну стало страшно. Он не понимал, чего мужчина хочет от него, а воображение рисовало жуткие вещи. Ему захотелось скорее сбежать из этого места.

— У меня есть к тебе просьба. Ты сохранишь мой секрет? — осторожно спросил мужчина, с опаской глядя на Ихёна. У парня упало сердце.

— Что вы имеете в виду? Мне почитать вам книгу?

Если честно, Ихёну совершенно не хотелось слышать ни секрета этого человека, ни его просьбы.

— Нет, сегодня я не хочу слушать чтение. Да и что от этого толку, мне это не нужно.

— Тогда можно я сначала выслушаю вашу просьбу, а потом дам ответ? — тихо спросил Ихён.

— Нет, так не пойдет. Я доверю тебе свой секрет, а ты потом откажешься. Только себе в ущерб.

Ихён с надеждой покосился на дверь спальни. Но никто не собирался приходить ему на помощь, а беседа принимала все более пугающий оборот.

— Не бойся. Что я тебе могу сделать? Только не говори ничего жене. То, о чем мы с тобой сегодня говорили, это наш с тобой секрет. И Ран тоже не говори. Если я услышу от них хоть что-то напоминающее о нашем сегодняшнем разговоре, сразу же перестану есть. И таблетки принимать не буду, — голос мужчины звучал жестко. В нем чувствовалась твердость, которой не было в самом начале разговора. Ихён растерялся. Что он от него хочет?

— Если согласишься выслушать мою просьбу, я тебе скажу.

Но Ихён не мог так легко дать мужчине ответ. Как он мог ответить ему, не зная, в чем состоит просьба? А если это именно то, что он представил? Парень встряхнул головой и посмотрел на часы. Обещанное время уже вышло.

— Я приду еще. И прочитаю вам книгу.

Мужчина молча лежал с закрытыми глазами. В уголках его глаз скопилось еще больше влаги.

— Как, по-твоему, течет мое время?

— Ох, я...

Представив, как тянется время мужчины, Ихён почувствовал тяжесть в груди. У него невольно вырвался тяжелый вздох.

— Простите, — прошептал он.

У Ихёна было такое ощущение, будто он совершил какой-то страшный грех. Он поднялся на ноги, чувствуя, как груз вины давит на плечи.

— Как думаешь, деревья ощущают себя примерно так же? В следующей жизни у меня получится стать отличным деревом, не правда ли?

Ихён промолчал.

— Прости, что потратил твое время.

Стрекот швейной машинки остановился, и дверь в спальню приоткрылась.

— О чем вы так долго разговариваете? Отпусти молодого человека. Он и так слишком долго тут был, — раздался голос спасительницы Ихёна.

Парень с трудом улыбнулся, чтобы она не заметила его замешательства. Чтобы не нарушить обещание, данное мужчине, он должен выйти из этой комнаты с таким видом, будто ничего не случилось.

— Если сейчас выйдешь, как раз успеешь на последний автобус. Спасибо тебе большое.

Женщина похлопала его по плечу.

— Какая у вас хорошая школа, отправляют вас волонтерами в такие места. Наша Ран очень тебе благодарна. А, вот, держи, — она протянула Ихёну небольшой бумажный пакет.

— Что это?

— Сшила этот комплект в прошлом году. Можешь носить его как пижаму. Как раз твой размер. Странно, но моя одежда всегда находит своего хозяина.

Женщина подтолкнула его в спину. Во дворе к Ихёну сразу подбежали три собаки и две кошки.

Похоже, они уже запомнили его, потому что начали радостно прыгать вокруг и вилять хвостами. Тени стали длиннее. Силуэты подсолнухов, самого Ихёна, трех собачек и двух кошек отражались на земле неестественно длинными. Близились сумерки.

В тот момент, когда Ихён отворил калитку, сзади снова послышался стрекот швейной машинки. Словно чье-то дыхание, которое, казалось бы, вот-вот прервется, но все не прерывается. В этом доме только этот звук и казался живым.

Всю дорогу до деревни Ихён шел, петляя, словно обходя ямы на дороге.

Ихёну стало любопытно, что Ран за человек. Зачем она соврала родителям про волонтеров из школы?

Вершина горы на западе окрасилась красным цветом. За алой полосой готовилась опуститься на землю темно-синяя ночь. «Мой день подходит к концу», — внезапно подумал Ихён. Мысли бесконечно текли, цепляясь одна за другую, и от этого кружилась голова. А как течет время того мужчины?

К горлу подступила тошнота. Ихён согнулся пополам и судорожно изверг содержимое своего желудка на траву.

Он нервно ждал автобус. Автобус, который всегда приезжает вне зависимости от того, ждешь ты его или нет.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

